

Власов В. Ф.

Падающие звёзды

В поисках 4-го измерения

16+

Владимир Фёдорович Власов

Падающие звёзды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41758403

SelfPub; 2019

Аннотация

Рассказ о том, как мы порой, не осознавая, совершаем ужасные преступления, убивая своих ещё не родившихся детей. Природа создаёт человека уже в утробе матери, и, как бы обстоятельства не складывались, нельзя лишать его жизни. Дети – наша радость и наш крест, который мы должны нести всю жизнь. Наши предки говорили: «Ребёнок в доме – Бог в доме». В рассказе герой убивал своих детей, как бы освобождаясь от ненужной обузы, а потом мучился всю жизнь из-за этого преступления.

История, случившаяся под Рождество

1.

Я – профессор изящной словесности, если можно так выразиться, и, кроме преподавательской деятельности, ничем другим в жизни не занимался, но вот последнее время меня вдруг обуяла одна серьёзная страсть: по вечерам я стал регулярно посещать кафе моей супруги и слушать разные жизненные истории посетителей. И чем больше я слушал, тем сильнее у меня возникало желание их записывать. Из моих наблюдений я вывел для себя правило – общаться только с простыми по виду людьми, потому что, чем нарядней выглядит человек, тем бесцветнее его мысли. Быть может, это происходит оттого, что удача часто делает состоятельного человека нечувствительным к страданиям ближнего и многое из происходящего вокруг него он просто не замечает. Как бы там ни было, я сам стал выбирать собеседников и угощать их. Дело дошло до того, что я повесил на дверях кафе объявление, в котором оповещал всех желающих рассказывать мне свои истории за хороший бесплатный ужин, а также учредил приз – видеомэгаффон за рассказ, который мог произве-

сти на меня сильное впечатление. Мы с женой – довольно состоятельные люди и имеем это кафе в своей собственности, поэтому можем позволить себе кое-какие слабости. По некоторым причинам, наши хобби заменили нам естественные привязанности, которыми живет большинство моих сограждан. Чтобы пояснить эту мысль, мне придётся, по-видимому, в нескольких словах сказать, что я имею в виду.

Вообще-то, я должен признаться, что очень люблю мою супругу. Она младше меня на добрый десяток лет и очень симпатичная женщина, поэтому, вероятно, ее молодость прошла весьма бурно. Половину своей жизни она провела в обслуживании клиентов. Нет, не подумайте ничего дурного, она работала официанткой в ресторане. Когда мы познакомились, она уже не могла иметь детей. Поэтому, несмотря на всю привязанность друг к другу, мы не смогли создать ту образцовую семью, скреплённую хотя бы одним существом, ради которого можно пожертвовать всем на свете. В какой-то степени моя жена живёт своими интересами, я же – своими. Но мы во всём помогаем друг другу. Я помог ей купить это кафе, она же закрывает глаза на все мои причуды в виде благотворительных бесплатных ужинов для бомжей.

Да-да, именно так. Как только я повесил объявление на дверях кафе, оно тут же стало посещаемо нищими, вид которых вначале несколько шокировал нашу претенциозную публику, но моя жена с этим мирилась. Зато сколько интереснейших историй я услышал от этих бедолаг! Если ко-

гда-нибудь я издам хотя бы часть их рассказов, то, несомненно, стану вторым Чеховым. Однако, истории, взятые из жизни, порой превосходят всякую фантазию самого одаренного литератора. Однажды я чуть было не вручил свой приз одному бродяге за рассказ, который не только тронул меня, но и круто изменил всю мою жизнь. Однако, тот исчез самым неожиданным образом. Правда, сейчас я думаю: "На кой чёрт ему нужен был мой видеомэгнитофон? Он вполне мог от него отказаться и потребовать вознаграждение деньгами, что я не преминул бы сделать". И в самом деле, к чему нищему видеомэгнитофон, если у него нет не только телевизора, но даже своего собственного дома, куда его можно было бы поставить. Вот так учрежденный мной приз остался дожидаться на своем прежнем месте следующего претендента. Добро пожаловать в моё кафе, достопочтенные господа нищие!

Итак, приступая к изложению его рассказа, замечу, что с самого начала мой собеседник произвел на меня впечатление довольно добропорядочного господина, очутившегося в своем нынешнем положении из-за несчастного обстоятельства. Я так подумал сразу же, как только его увидел, и оказался прав. В его облике не было ничего примечательного, разве что его глубоко запавшие глаза, из синевы которых исходило внутреннее страдание, связанное с какими-то прошлыми переживаниями. Когда я узнал, сколько ему лет, то очень удивился. Обросшая внешность и зачуханный вид

старили его настолько, что его можно было принять за старика, хотя ему, как оказалось, не было ещё двадцати пяти лет. Он уселся напротив меня в глубине зала и пока не насытился, не произнес ни слова. Возможно, что до своего прихода ко мне он голодал несколько дней. Затем он спросил, не может ли выпить немного хорошего вина. Я заказал бутылку. На улице мела метель. И ему явно хотелось провести остаток вечера в моем уютном кафе, где приглушенно звучала музыка Моцарта и Баха, где сидели нормальные процветающие люди, позволяющие делать себе приятные подарки под рождественскую ночь, которым не нужно было занимать очередь с утра и стоять весь день на студеном декабрьском ветру, чтобы попасть в одно единственное кресло, которое я любезно предлагал каждый вечер хорошему рассказчику. Должен признаться, что благодаря моей причуде наше кафе стало процветать. О нем знали не только бомжи окрестных районов, но и довольно состоятельные и уважаемые граждане города частенько заходили сюда, чтобы удовлетворить свое любопытство, созерцая, как подающий надежды писатель ведет беседы с отбросами общества, создавая на этом поприще свой капитал.

Как только швейцар закрыл за ним дверь, и холодная струя воздуха растеклась по небольшому, но уютному вестибюлю моего кафе, я подошёл к нему и первым пожал руку. Это было моим правилом, своего рода, выражением доброй воли к собеседнику. Оно, как мне казалось, должно было

расположить бомжа с самого начала к задушевной беседе со мной. Так сказать, мое маленькое личное изобретение игры в демократию. Правда, кое-кто из них от такого радушного приема у порога вначале терялся, чувствовал себя некоторое время дискомфортно, пока не обретал свое естество, но для меня эта процедура являлась, своего рода, познавательным началом, позволявшим мне судить о личности нищего. Кстати, после ужина я также провожал собеседника до выхода и крепко жал ему руку, считая, что проявляю к нему достаточное уважение, и порой мне даже казалась, что отверженный смотрит на меня с благодарностью от сознания того, что я весь вечер провел с ним как равный с равным.

Но вернемся к моему собеседнику. Рука его была такой же заскорузлой и красной, как у всех бездомных, проводивших больше времени на свежем воздухе, чем в укрытии. С самого первого момента я почувствовал в нем какую-то независимость. Это сквозило не только во взгляде, но и во всем его облике, и не потому, что он не стеснялся своих лохмотьев – так, впрочем, ведут себя многие нищие, – но даже его манера мыть руки, долгая и обстоятельная, а также некоторая его медлительность в движениях позволяли судить о нём, как о гордой и независимой натуре.

Я проводил его к столику, и он тут же приступил к трапезе, не произнеся ни единого слова. Лишь раз он оторвался от еды, достал из внутреннего кармана довольно замусоленный конверт, извлек оттуда пачку пожелтевшей от времени

бумаги, отобрал несколько листов и протянул мне. Остальные же опять всунул в конверт и положил возле себя.

– Что это? – воскликнул я.

Но он не удостоил меня ответом и продолжил поглощение салатов. Мне ничего не оставалось, как углубиться в чтение этих листов, содержание которых показалось мне занимательным. Письмо было написано женским почерком. Я постараюсь воспроизвести его слово в слово:

"Это – мой ребенок. Он родился две недели назад. Я не могу его содержать и поэтому прошу тебя позаботиться о нём до тех пор, пока не встану на ноги. Представляю, как ты удивишься, обнаружив это крохотное создание у своей двери. Я успела уже полюбить его, пока лежала в родильном доме. У него такие прелестные розовые щеки, как у ангела. И в самом деле, он – настоящий ангел. Он даже не плачет, как все другие дети, а только молчит и морщит носик, вероятно, понимая, что уже своим появлением на свет он создал множество проблем для взрослых. По твоему твердому убеждению, он не должен был этого делать. Но посмотри на него внимательно, он такой хорошенький, что его невозможно не полюбить. Когда ты мне сказал, чтобы я избавилась от него, я не могла тебе этого простить и ушла от тебя, потому что самый великий грех у людей – убивать своего ещё не родившегося ребенка. Что я могла тогда сделать? В этом мире до сих пор я многого не понимаю. И полюбив тебя, я совсем потеряла голову. Не имея за плечами жизненного опыта, я

сразу же поверила тебе и отдалась, ни о чём не думая, ни о чём не жалея. И потом я любила тебя так, как не полюблю уже больше никого в жизни. Скажи, в чём моя ошибка? Чем я провинилась перед тобой, перед людьми и Богом? Разве любовь – это преступление? И когда я почувствовала, что беременна, то была по-настоящему счастлива. Я думала, что частичка тебя живет во мне и что мы навечно связаны одной судьбой. Но судьбе угодно было распорядиться иначе.

Сейчас, когда я лежу в родильном доме и постоянно плачу, все мои мысли заняты тобой. Когда его привозят ко мне, я подолгу смотрю на него, и каждый раз нахожу в нем чёрточку, напоминающую тебя. У него такие же лоб, брови, губы и глаза. От меня он взял разве что носик, такой маленький, как пуговка. Ему еще совсем мало дней, но выглядит он уже красавцем. Никогда бы не поднялась моя рука убить его. От одной мысли, что он мог не родиться, мне становится страшно. Но я не знаю, что будет с ним, что будет со мной, что станет с нами. Когда я выйду с ним из родильного дома, мне даже негде будет преклонить голову. В общежитие меня с ним не пустят, у меня нет ни родителей, ни знакомых, которые бы могли помочь в трудную минуту. Иногда мне хочется закрыть глаза и ничего не видеть. От всех этих переживаний у меня пропало молоко. Я не могу его кормить, и пока что медсестры пытаются напоить его из бутылочки, да ещё кто-нибудь из сердобольных мамаш дает ему избыток своего молока. Всё это меня убивает. Почему я решила написать

тебе? Из глубокого чувства отчаяния. Я подумала: а, будь, что будет, но ты мне должен помочь, если даже мне придется умереть на твоих глазах. Ведь он твой сын, плоть от плоти твоей. Разве может человек так просто отмахнуться от своего ребенка? О, если бы ты смог взять его хотя бы на время. Потом бы я устроилась и забрала его. Не сердись на меня и постарайся быть великодушным".

Прочитав это письмо, я посмотрел на моего собеседника, как бы спрашивая его: "Что все это значит?" Он же откинулся на спинку стула, закурил и попросил вина. Пока официант ходил за бутылкой, он мрачно озирался по сторонам, не проявляя к моей персоне никакого интереса. Как будто бы меня и не было рядом с ним. Я же внимательно наблюдал за ним. Когда он выпил первый бокал, то посмотрел на меня пристально своим умным проницательным взглядом и вдруг спросил:

– Зачем вы разыгрываете здесь весь этот балаган?

– Какой балаган? – тревожно спросил я.

– С этими бесплатными ужинами для нищих.

Я смутился.

– Видите ли, – начал я, оправдываясь, – во-первых, для нищих я ничего специально не устраиваю. Приходят люди, я с ними беседую. Что здесь такого? Во-вторых, эти беседы мне нужны для дела. Если кто-то желает, чтобы его история стала достоянием гласности, а может быть и историей с большой буквы, я с удовольствием это делаю по нашему обоюд-

ному согласию. Вот и все. И ничего не вижу в этом дурного. Каждый черпает вдохновение из своего источника.

Мой собеседник некоторое время молчал, затем хмуро тряхнул головой и спросил:

– У вас есть дети?

– Нет, – ответил я, – моя жена не может иметь детей.

– Я вижу, вы человек состоятельный, если можете позволить себе каждый вечер в таком дорогом кафе давать бесплатные ужины. Почему бы вам ни подобрать с улицы беспризорника или не взять ребёнка из детского дома?

– Об этом я как-то не думал.

– Ладно, я расскажу вам свою историю. А для того, чтобы вы смогли её лучше понять, я и дал вам прочитать письмо моей матери к моему отцу. С этим письмом меня подкинули в дом ребёнка. С детства я не знал родителей и вырос в детском доме. А сейчас наберитесь терпения и выслушайте мой рассказ.

И он рассказал мне следующую историю:

"Однажды поздним декабрьским вечером я вместе с профессором К. возвращался из университетской лаборатории, что расположена на восточной окраине города. Верхушки голых тополей, посаженных по обе стороны студенческой аллеи, были покрыты инеем и снегом и казались на фоне темно-звездного неба фантастическими облачками, вытканными белыми нитками. Глядя на это сказочное великолепие, профессор К. вдруг оживился и воскликнул:

– Какое чистое звездное небо!

– Зимой почему-то на небе меньше звёзд, чем летом, – заметил я. – К тому же нет падающих звезд, и нельзя загадать желание. Летом совсем другое дело.

Профессор К. покачал головой и ответил:

– Звезды падают в любое время года, просто мы не всегда их замечаем.

Он задумчиво смотрел в небесную высь, и мы шли некоторое время молча.

– Когда-то я очень любил одну женщину, – вдруг произнес профессор фразу, как мне показалось, совсем не относящуюся к нашему разговору.

Я, будучи его студентом, пришел в некоторое замешательство от его неожиданного откровения и не проронил ни слова.

– Вот так же мы подолгу бродили темными вечерами и говорили о звёздах и Вселенной.

Я продолжал хранить молчание, но профессор говорил, как бы забыв о моем существовании.

– Звезды чем-то похожи на людей. Возможно, весь наш земной мир вместе с обществом представляет собой сколок этого космоса. Понять космос – все равно, что понять душу самого Творца. Каждая звезда проходит определенную эволюцию от карлика до гиганта, то становясь квазаром или пульсатором, то превращаясь в черную дыру. Никому не ведома суть этого явления, потому что, чтобы все это понять,

нам потребовалась бы жизнь, равная жизни самого Создателя.

Вдруг он повернулся ко мне и спросил:

– Хочешь, я познакомлю тебя со своей теорией, которую никому ещё не излагал в завершённом виде?

Вместо ответа я кивнул головой, и учитель, кашлянув, продолжил:

– Видишь ли, я полагаю, что звезд на небе столько же, сколько рождаемых на земле людей. Вся наша судьба как бы предопределена небесными весами и подчинена определенному року. И мы по большому счету ничего не можем сделать против той программы, которая задана нам в космосе. Мы так же, как звезды, появляемся на свет и умираем. Вернее, не умираем, а превращаемся в черные дыры, чтобы во-обратить в себя энергию для нового рождения. Вероятно, такой же процесс происходит и на уровне микромира. Ничто никогда бесследно не исчезает. Это ты должен знать, как физик. Но есть некоторые вещи, которые последнее время меня все чаще беспокоят. Это сознание того, что своими ошибками мы вносим сумятицу в эту программу. Конечно же, и в самом космосе не все обстоит благополучно. Вот, например, падающие осколки с неба или исчезающие неизвестно куда звезды. Они почему-то напоминают мне умерших или не родившихся младенцев, от которых мы часто избавляемся таким жестоким образом.

– Но профессор, при чём здесь не родившиеся младен-

цы? – воскликнул я, стараясь понять, разыгрывает он меня или его ум заходит за разум.

– Сейчас я тебе попытаюсь объяснить, – спокойно ответил профессор. – Постарайся перевести свое мышление на эзотерический уровень. Видишь ли, вся эта схема окружающего мира есть не что иное, как единое взаимосвязанное целое, взаимопроникающее в микро– и макрокосмосе. Поэтому мы всегда присутствуем как в космосе, так и в любой микро материи. Именно этим можно объяснить случаи точного предсказания будущего экстрасенсами, спиритические и прочие парапсихологические эксперименты, о которых ты, надеюсь, много слышал за последнее время.

– Но позвольте! – воскликнул я.

– Нет, не перебивай меня и дослушай до конца. Ты, вероятно, знаешь, что наша Вселенная возникла от взрыва, то есть, из какого-то чрезвычайно мизерного, почти нулевого начала и стала расти и развиваться?

– Иными словами, – заметил я, – макромир возник из микромира.

– Вот именно! – воскликнул профессор. – Я больше чем уверен, что придет время, и наша Вселенная начнет сжиматься до размеров изначального состояния, которое в диаметре может оказаться меньше атома. Наличие во Вселенной черных дыр подтверждает эту гипотезу. Мы до сих пор не знаем, что такое материя, не можем разумно объяснить природу электричества, хотя ежедневно им пользуемся.

– В таком случае, если Вселенная сожмется, то великое и малое сольются в единый Уникум? – сделал я открытие для себя, очарованный необычностью этой идеи.

– Именно так, – продолжал он. – Поэтому в наших рассуждениях стоит сделать еще один шаг, чтобы приблизиться к истине, к которой я подвожу тебя.

– Какая же это истина, профессор? Вы скажите её скорей, не томите мою душу, – шутливо воскликнул я.

И тогда учитель с серьёзным видом поведал мне свою тайну, от которой у меня перехватило дыхание. Она показалась мне намного глубже всех вместе взятых даосских и буддистских мировоззрений, утверждающих, что небытие и бытие взаимопроникновении, так как каждое из них является не чем иным, как началом другого.

– Так значит, – воскликнул я, – мы можем одновременно чувствовать себя и звездами, и мельчайшими частицами мироздания, и наша сущность распространяется на весь мир также, как и вся Вселенная заключена в нашей сущности?

– Приблизительно так. Я конечно не против закона сохранения материи и энергии, но, как ни странно, именно он подтверждает жизнеспособность моей теории. В природе все сжимается и разжимается, происходит своего рода вечная пульсация материи. Мы способны одновременно быть звездой и атомом, потому что мы вечны и неуничтожимы. И мы, как частицы этого мироздания, можем интуитивно чувствовать всё, происходящее с нами на наших микро – и макро-

уровнях, – ответил профессор и рассмеялся. – Но есть вещи, которые не поддаются нашему разуму, они проистекают как бы из промежуточных субстанций. Они осколочные, как падающие звёзды и не рождённые младенцы. Они существуют сами по себе, и никто не знает, куда они исчезают. Когда-то я был студентом, как и ты, а потом молодым аспирантом и любил в мечтах уноситься неведомо куда. Ещё тогда перед моим взором, устремленным в небо, возникали расплывчатые контуры моей теории, и чем дальше я жил, тем больше убеждался в её существовании. Это была как вера в высшую реальность определенных, до этого игнорировавшихся форм ассоциаций, которые, по-видимому, существуют и порой проникают в наше сознание.

– Что-то я начинало плохо понимать вас, профессор, – признался я.

– Тогда я попробую рассказать тебе о своих ощущениях, и мы вместе постараемся разобраться в них.

"Итак, я начал с того, что когда-то полюбил одну женщину, вернее, нежную симпатичную девушку. Мы ходили с ней по вечерам смотреть на звёзды, и я излагал ей зарождающиеся ещё тогда в моей голове основы моей теории. Она меня, вероятно, тоже полюбила. Прошло некоторое время, и она призналась, что ждет от меня ребенка. Я совсем не ожидал такого поворота в наших отношениях, так как только что окончил университет, и еще, можно сказать, стоял неоперившимся птенцом в учёном мире без каких-либо подпорок в

виде научных трудов и наработок. Я не только не планировал в ближайшее время жениться, но и сама мысль о ребенке приводила меня в крайнее бешенство. Я тут же попросил её избавиться от плода, на что она обиделась и прервала со мной всякие отношения. Как позже я узнал, ребенка у нее не было: то ли у неё был выкидыш, то ли он умер при родах. Но с тех пор по ночам этот ребёнок стал мне являться во снах. Ты представить себе не можешь, какие кошмары можно видеть с участием мертвого не родившегося ребёнка. И ничего мне не помогало – никакие успокоительные таблетки, ни обращение к доктору. Это было самым настоящим наваждением, от бессонных ночей я не мог найти себе места. Я испробовал все средства, чтобы излечиться, даже женился на другой девушке, и все напрасно. И вот представляешь, однажды ко мне приходит письмо от моей бывшей пассии, которая утверждает, что я похитил её мальчика. Я был на грани помешательства. Все бросив, я вместе с женой бежал из университетского городка и первое время прозябал в аспирантуре доктора Л. С того времени, правда, кошмары перестали меня преследовать. У меня родилась дочь Марина, которую ты прекрасно знаешь, затем жена сделала ряд абортотов, и мои кошмары возобновились с новой силой. До сих пор я явственно вижу четверых детей, которые живут в моей квартире, они растут у меня на глазах, развиваются, учатся ходить, говорить, смеются. Когда я возвращаюсь с работы домой, они вчетвером сидят, опершись на спинку кровати,

и поджидают меня. Я смотрю на них, и они мне приветливо улыбаются. Никто их не видит – ни моя жена, ни дочь. Но я-то их вижу прекрасно, вот только потрогать не могу руками. Трое мальчиков и одна девочка. Девочка самая младшая, ей всего четыре года. Именно четыре года назад жена сделала аборт. Порой меня охватывает ужас, я не могу найти всему этому объяснения. Но со временем я стал привыкать к мысли, что вижу своих не родившихся детей. Иногда я даже играю с ними. Ты можешь подумать, что на старости лет я совсем выжил из ума. Впрочем, я и сам иногда так думаю о себе, но мне от этого не легче. Я пытаюсь любыми способами победить свое безумство, иногда мне в голову приходит мысль всё бросить и бежать, куда глаза глядят, чтобы спастись от этих наваждений, как в первый раз. Но я не могу уехать от семьи, так как привязан к жене и люблю дочь. Вот такую кошмарную раздвоенную жизнь я веду каждый день, пытаюсь разобраться во всех этих чудесах. Возможно, именно поэтому моя теория ныне приняла такую стройную и законченную форму. И всё же я близок к помешательству. Порой я со страхом смотрю на небо, и мне кажется, что все падающие звезды – не что иное, как не родившиеся младенцы. Как тебе всё это представляется?"

Слушая эти неожиданные признания, которые вызвали во мне, кроме удивления, ещё и неприятные воспоминания о поступке моих родителей, бросивших меня в детдоме, я все же пожалел профессора – отца Марины, с которой меня свя-

зывали нежные чувства и взаимная любовь. После этого разговора я поделился с ней своими опасениями, на что она мне ответила:

– С отцом всегда творилось что-то странное. Мы с мамой привыкли к его фокусам, ведь ты же видишь, что он – не от мира сего. Но сейчас меня волнует другое. Мы, кажется, с тобой залетели. Я только что была у гинеколога, и он сказал, что у меня второй месяц беременности.

Я не знал, радоваться мне этому сообщению или огорчаться. Однако мое смятение длилось недолго. Я обнял Марину и, поцеловав в губы, спросил:

– Надеюсь, твой отец не будет протестовать против нашей свадьбы?

Её глаза засветились радостным блеском, и она воскликнула:

– Ты – молодец! Это можно понимать, как твое предложение? Я думаю, что отец будет согласен, ну, а с мамой я всё улажу.

В приподнятом настроении я покинул квартиру своей невесты, прихватив томик Шекспира. Однако, в общежитии меня, словно громом, поразило одно открытие. Из томика выпали листы бумаги, написанные мелким почерком. Как только я начал их читать, мое горло сдавило удушье и мне показалось, что земля уходит из-под моих ног.

Это было письмо к профессору, и, если вы желаете, я вам его прочту".

Я не возражал, и мой собеседник, вынув из замусоленного конверта оставшуюся пачку бумаг, приступил к чтению. По мере того, как он читал, его лоб покрывался испариной. Иногда он приходил в крайнее возбуждение. Казалось, что он заново переживает какую-то драму. Я внимательно слушал его срывающийся голос, стараясь проникнуть в неведомую мне тайну.

Постараюсь дословно воспроизвести содержание письма.

"Ты уничтожил моего ребёнка, жестокий и самовлюбленный эгоист. Мой маленький сынок умер. Радуйся. О, как я ненавижу тебя! Я была на пороге великого счастья, но всё пошло прахом, я потеряла не только частицу себя, которая заключалась в этом маленьком нежном тельце, но также веру в людей и желание жить. Может быть, в ближайшее время я уйду из жизни, поэтому я решила собраться с мыслями и сказать всё, что думаю о тебе.

Вот я уже в порядке и готова хладнокровно осмыслить то, что между нами произошло. Я увидела твои злые глаза и поняла, что между нами всё кончено, и мы с тобой стали чужими людьми. Но когда ты начал говорить о том, чтобы я избавилась от ребёнка, твои слова, как шипы, проникали в мое сердце, больно ранили душу. Я была тогда не в состоянии ответить тебе что-либо на твои жестокие слова. Да и сейчас во мне все еще горит обида и гнев за твое принуждение совершить это преступление. **НО СЕГОДНЯ УЖЕ ПОЗДНО ГОВОРИТЬ ОБ ЭТОМ**, потому что всё кончено, и ты недо-

стоин моей любви, ты её презрительно растоптал. И когда между нами сожжены все мосты, пусть эта моя горькая правда послужит тебе уроком на всю жизнь. Я пишу это не для того, чтобы толкнуть тебя в свои объятия, а для того, чтобы сказать, что ты потерял и чего уже не вернуть.

Вот я уже полностью контролирую свои эмоции и могу беспристрастно говорить обо всем. САМОЕ СТРАШНОЕ УЖЕ СЛУЧИЛОСЬ. Со смертью ребенка окончательно порвалась связь, которая нас когда-то соединяла. Мы стали чужими людьми, и поэтому мне будет легче, если я перейду с тобой на Вы. Считайте, что я умерла для вас, и после моей смерти вы получили это моё последнее письмо. Боже, я так спокойно говорю о своей смерти, и это действительно жутко. Но я и в самом деле умерла как женщина и умерла в той больнице, где потеряла мальчика. Первое время мне ещё казалось, что он жив. Когда детей разносили мамашам для кормления, то и ко мне подкатывали маленькую колясочку, где лежал мой маленький крепыш. Но молока у меня не было, и я была в отчаянии от бессилия, что не могу его покормить. Он походил на вас, ну, точная копия, кроме разве что своего маленького носика пуговкой. Я так хотела, чтобы вы пришли ко мне и посмотрели на вашего сыночка. Но вас не было. И однажды ночью мне приснился страшный сон. Как будто вы явились ко мне в больницу, задушили младенца и унесли его бледное безжизненное тельце с собой. А на следующий день медсестры стали утверждать в один голос, что

у меня не было ребёнка, что он просто не родился, а был выкидыш. Я им не поверила, и чем упорнее они настаивали на своем, тем больше мне казалось, что я схожу с ума. Я ничего не могла понять. Главный врач твердил мне то же самое. Затем меня поместили в психиатрическое отделение. Но с этого момента я стала думать о вас, как об убийце. Я возненавидела вас и старалась понять, чем вы меня покорили, и почему я вас так сильно любила.

Я вспоминаю, как впервые увидела вас на лекции. Вы сразу же завладели всем моим существом, и я ничему не могла противиться. Где бы я ни была, что бы ни делала, слушала ли музыку, смотрела ли кино, я всегда думала: а как бы всё это было, как бы это звучало, если бы мы были вместе? Вот видите, все кончается на "бы", но так это всё и начиналось. Я жила, как во сне. Когда мы не были ещё знакомы, я так хотела вам принадлежать, и, несмотря на отчаяние, тайла в глубине души веру, что когда-нибудь вы обратите на меня свое внимание. Ваш ореол преподавателя-умницы толкал меня на отчаянные поступки. Я никогда никого ни о чём не просила, но в то время молила судьбу, чтобы она позволила мне соединиться с вами хотя бы один раз, а потом, как говорится, "и умереть не страшно". Вероятно, вы удивились, когда поняли, что до вас я была девственницей. А может быть, приняли это, как должное. Ведь вы могли своей интеллектуальной игрой увлечь любую девушку, сломить ее сопротивление, сделать её своей рабыней, как вы поступили со мной.

Я и сейчас думаю, что вы достигли высших пиков человеческого разума. И тем более, мне становятся непонятными ваши поступки, лишённые всякой гуманности и противоречащие вашей духовности. Признаюсь, я не всегда понимала ваши возвышенные материи, более того, меня даже пугали некоторые ваши рассуждения. Но подле вас я чувствовала себя женщиной. Иногда смысл того, о чём вы говорили, был мне непонятен, но ваш голос звучал так приятно и обворожительно, что я невольно поддавалась его очарованию, приходила в оцепенение, готова была слушать, не понимая, просто так слушать и только... И потом ещё долго ваш голос звучал в моих ушах, как будто сам Бог вашими устами вещал мне какие-то истины. Я и сейчас постоянно ощущаю ваше незримое присутствие. Но после того, как вы задушили моего мальчика, всё изменилось. Мне кажется, что ночью вы подходите, тяжело дыша, к моей кровати, чтобы сделать надо мной какое-то насилие, и ваши руки тянутся к моей шее. Я просыпаюсь в холодном поту и плачу, находясь в постоянном ожидании, что вот-вот со мной что-то произойдет. "Глупо!" – скажете вы, но это вы довели меня до такого состояния. И вообще вы сделали меня совсем другой, не такой, какой я была прежде.

Я допускаю, что каждый человек имеет свои тёмные стороны, но главное – его поступки. В любимом можно найти всё, что захочешь, но сейчас-то я поняла, что даже любимых нужно судить по их поступкам. Может быть, я вас чрезмер-

но боготворила и видела в вас только тот образ, который наделяла в своих мечтах придуманными мной достоинствами. Единственное, что ускользало от моего внимания, – это ваш закаменелый эгоизм, способный толкнуть вас на убийство. И вот в один день все переменялось. Вы решили отнять у меня моего ребенка. Из любимого человека вы превратились в убийцу. Может быть, вам не кажется этот поступок страшным, но человек, который совершает преступление, вряд ли может относиться к самому себе беспристрастно. Здесь важен взгляд со стороны. Поймете ли вы это? Сейчас моё состояние похоже на положение человека, который бьёт кулаками в железную дверь. И, тем не менее, сознание того, что я вам высказываю свою правду, приносит мне удовлетворение. Я вырываю вас с корнем из своего сердца и надеюсь, что воспоминания о вас со временем рассеются без остатка. Но знайте, с этого дня вас будут мучить кошмары, потому что вы загубили ангела. И пусть он превратится в призрак и является вам каждую ночь для того, чтобы когда-нибудь пробудить вашу совесть".

Мой бледный собеседник дочитал до конца письмо и положил его на стол перед собой. Мы некоторое время молчали. Затем он выпрямился, и, устремив на меня полный скорби взгляд, произнес:

– Это было письмо моей матери, я его сразу же узнал по почерку.

От неожиданности я подскочил на стуле.

– Но ведь она пишет, что вы умерли. Как это понимать?
Он опустил голову и чуть слышно ответил:

– Здесь многое кажется тёмным и непонятным, но если я вам скажу, что произошло на самом деле, вы мне не поверите.

– Я вас слушаю.

Мой собеседник выпил еще одну рюмку вина и продолжал:

"Когда мне стало понятно, что профессор – мой отец, я в тот же день встретился с Мариной и рассказал ей всё. Я также сказал ей, что у нас с ней не может быть детей, потому что она – моя сестра. Вы не представляете, что с ней случилось. Она не была готова к такому удару. С профессором я не стал объясняться. Покинув университет, я просто исчез. Позднее до меня дошли слухи, что его дочь сделала аборт. Бедная девочка! Я до сих пор её жалею. Своего отца я уже знал, и мне захотелось встретиться с матерью и узнать, как так получилось, что она меня бросила. И вот здесь начали происходить со мной разные странности. Оказалось, что детского дома, в котором я вырос, не существовало. Не было также и дома ребёнка, куда меня приняли сразу же после моего появления на свет. Не было ничего, что могло свидетельствовать о моём рождении. Но дальше стали происходить ещё более курьезные случаи. Я стал постепенно терять ту протоптанную дорожку, по которой двигался по жизни с начала своего рождения. Я не смог обнаружить школу, где

я учился. Я не встретил ни одного знакомого, который бы меня знал в детстве или юности. Я никогда не жаловался на провалы в памяти, но вдруг память начала мне изменять.

Из неё стёрлось всё, что было до момента моей встречи с профессором.

Я как будто откуда-то вынырнул, не зная, где провёл всю свою жизнь. Иногда мне кажется, что всё это время я спал, и проснулся только для того, чтобы пережить несчастье. С того дня, как моя сестра сделала аборт, у меня началось раздвоение личности. Временами я полностью выпадаю из действительности, но при этом я как бы остаюсь сторонним наблюдателем и вижу сверху всё происходящее. И во всем, что происходит, участвует маленький младенец. Он только что научился ходить и лезет во всякие опасные места. Но я ничего не могу с ним поделать. Когда я нахожусь в состоянии этого стороннего зрителя, я как бы дематериализуюсь и, присутствуя везде, теряю способность на что-либо повлиять. У меня возникает ощущение, что в такие минуты я превращаюсь в бестелесного призрака. Но я не могу оставить его одного, потому что этот маленький мальчик мне дорог, как собственный сын. Может быть, он и есть мой сын, родившийся от моей сестры. Крохотный, затерявшийся во Вселенной осколочек. Именно поэтому я стал бродягой. Я не сижу на одном месте, а обречен вечно следовать за ним. А он, маленький проказник, так любит странствовать. И вот сейчас он призывает меня к себе. Я начинаю его явственно видеть.

Вот он взошёл на железнодорожную насыпь, скоро пойдёт поезд, и от него останется одно мокрое место. Мне нужно идти. Так скажите, писатель, существую ли я на самом деле? А вдруг я выпадаю из действительности, и меня перестают видеть?

Я не успел ему ответить. Воздух над столом заколебался, и он исчез. Только салфетка лежала возле его прибора. С ним исчезли и письма. В последний момент он схватил их со стола.

За окном тихо падал снег.

2.

Его история произвела на меня впечатление, близкое к потрясению.

Когда я записал рассказ и показал жене, она пережила шок. На каком-то месте моего описания она потеряла сознание. Когда я привел её в чувство, она дрожащими губами чуть слышно произнесла:

– Где мой сын? Что с моим мальчиком? Куда он ушёл?

– Но, Боже мой, какая ты впечатлительная, – воскликнул я, – что ты взяла себе в голову?

– Это был мой сын! И эти письма написаны моей рукой. Я их хорошо помню.

Я почти ничего не знал о прошлом моей жены. Из чувства деликатности я им просто не интересовался. Она же никогда не рассказывала мне о своей жизни. По-видимому, её жизнь была не из лёгких. Когда мы познакомились, она сразу же призналась мне, что не может иметь детей. И я ей на это ответил: "Проживем без детей". Мне стоило большого труда ее успокоить.

Рождество мы отмечали дома, положив свои приготовленные друг другу подарки под елку. Украшая ёлку игрушками, мы смастерили у её подножия некое подобие города Вифлеема, установив в его центре сделанную из пластилина крохотную колыбельку и фигурку ребёнка, символизирующие рож-

дение Иисуса Христа. Глядя на наше произведение, я вдруг неожиданно для себя сказал:

– Странно, что та звезда, показавшая дорогу волхвам, не упала, а остановилась над местом, где должен был родиться Иисус. По теории того профессора падающие звезды олицетворяют не родившихся детей. Я тоже грешен, и от меня женщины делали аборты. Наш грех состоит в том, что мы вмешиваемся в сферу, которая должна быть полностью подчинена Создателю. Рождение ребёнка – божественный промысел.

Жена задумчиво кивнула головой, но ничего мне не ответила.

После праздничного ужина мы поздно ночью вышли прогуляться до окраины города. За городом морозный воздух сделал настолько прозрачным эфир и так высветил звёзды, что, казалось, их сияние лежит мерцающим светом на чистом снегу. Мы долго смотрели на небо и вдруг увидели падающую звезду. Она промелькнула в какое-то мгновение и исчезла, унесенная неведомо куда. И тут моя жена сказала:

– Давай возьмём ребёнка из детского дома.

Я обрадовался в душе, потому что хотел предложить ей то же самое.

– Если уж это делать, то нужно брать шестерых.

– Почему? – удивилась жена.

– По числу не родившихся от меня детей. – Давай для начала возьмем одного новорожденного, но ты должен мне по-

могать, я не хочу бросать работу, потому что надеюсь, что когда-нибудь мой сын ещё раз зайдёт в кафе, и я встречу его.

– Согласен.

Мы поцеловались и продолжили нашу прогулку под звёздами.

Январь 1995